

А.И.Разживин (Ключевский)
Елабуга, Елабужский институт
Казанского (Приволжского) Федерального университета

**Жанр «сказочной безделки»
в «легкой поэзии» И.И.Дмитриева и И.Ф.Богдановича**

Феномен «легкой поэзии» сформировался в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв. Европейский контекст этого явления весьма широк и восходит к французской литературе первой половины XVIII века (Шолье, Лафар, Руссо). *Poesie fugitive* в середине XVIII века представлена в лирике Дора, Колардо, Буфле, Берни, Леонара, Грессе, позднее – Парни, поэтов, чье творчество было весьма популярно в России, кем увлекались и корифеи поэзии М.Н.Муравьев, К.Н.Батюшков, молодой А.С.Пушкин:

Анакреон, Шолье, Парни
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в наши дни
Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой...

[Пушкин 1981, I: 106]

В европейской «легкой поэзии» наметились подхваченные русской литературой *искусство экспромта* и *лирической* или *игровой миниатюры* (М.Н.Муравьев, А.А.Ржевский), *альбомная поэзия* с грациозным стилем, условно-мифологическими и эротическими образами (В.Л.Пушкин, В.А.Жуковский, К.Н.Батюшков), *анакреонтическая* и *эпикурейская* лирика с философией быстротечности жизни, с культом любви, молодости, наслаждений (Н.А.Львов, Ю.А.Нелединский-Мелецкий, Г.Р.Державин), *гедонистическая лирика* (Е.П.Люценко), *буколика* (Я.Б.Княжнин, И.Ф.Богданович), *стилизованная «народная песня»* (Г.А.Хованский, И.И.Дмитриев, Ю.А.Нелединский-Мелецкий, А.Ф.Мерзляков), *бурлескная поэма* (Е.П.Люценко, В.И.Майков), *сказка* (Н.М.Карамзин, И.И.Дмитриев, И.Ф.Богданович, Г.Р.Державин).

В Европе под «легкой», или «мимолетной», поэзией – *poésie légère*, *poésie fugitive* – понималось все стихотворство, противостоявшее высокой традиции и жанрам классицизма. К нему причисляли эпиграммы,

мадригалы, игривые послания – дружеские или любовные, анакреонтические или вакхические оды, стансы, куплеты, песню. Реже встречались эпитафии (надгробные песни шутивно-иронического содержания), эпиталамы (стихи на бракосочетание), сонеты. Главными достоинствами этих произведений, написанных на случай, считались совершенная форма, легкий стиль и отсутствие претензий на глубокомысленное, высокое, гражданское содержание.

Показательны названия журналов рубежа веков – «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791–1793), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1798). Причем иные названия явно нарративны, являются своеобразным ключом к содержанию журнала: «Дело от безделья или Приятная забава, рождающая улыбку на челе угрюмых, умеряющая излишнюю радость вертопрахов и каждому, по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повестями, в стихах и прозе состоящими, угождающая» (1792) или «Прохладные часы или аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны, т. е.: философических, критических, рифмотворных, пастушьих и аллегорических веществосновий» (1793).

Популярный в России Парни в 1779 г. публикует сборник с колоритным названием «Поэтические безделки». В 1794 г. Н.М.Карамзин так же называет свой сборник «Мои безделки», а в ответ ему в 1795 г. следует первое издание И.И.Дмитриева «И мои безделки». По воспоминаниям П.А.Вяземского, авторы-друзья собирались издать свои сочинения в одной книге. Обстоятельства, не позволившие исполнить намерения, продиктовали Дмитриеву сходное название [Вяземский 1986]. Критерий эстетической ценности смещался здесь из области высокого, разумного в сферу легкого, интимного, эмоционального и даже развлекательного. «Говорят, человечество старо; я этому верю, и все же его приходится развлекать, как ребенка» [Карамзин 1966: 115], – этот эпиграф из Лафонтена предваряет «богатырскую сказку» Карамзина «Илья Муромец», которую автор именуется еще и «безделкой». «Вот начало безделки, которая занимала нынешним летом уединенные часы мои. Продолжение остается до другого времени; конца еще нет, – может быть, и не будет. В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами» [Карамзин 1966: 115].

«Безделками» именовали поэтические мелочи, надписи, эпиграммы, лишенные серьезного содержания стихотворения, сказочки, которые обнаруживали и у Вольтера. Пушкин писал: «Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шут-

ливым языком... и эта легкость казалась верхом поэзии» [Пушкин 1981, VI: 210]. Таким образом, поэтическая, шутливо-ироническая, сказочная *безделка* начинает осознаваться как жанровое образование в стихии «легкой поэзии» рубежа веков.

Заметим, что ряд «сказочных безделок» русских авторов остается до настоящего времени не прокомментированным. Мы имеем в виду «Причудницу» Дмитриева и «Добрomyсла» Богдановича. Создаются они, несомненно, в русле предромантической литературы с ее интересом к народности и национальной самобытности. Но при этом они не соотносятся с большими эпическими повествованиями (поэмами) и сказками (стихотворными повестями). Это небольшие по объему повествования, не повторяющие конкретные фольклорные сюжеты. Авторская фантазия в них несомненна, хотя отдельные фольклорные мотивы узнаваемы (примером тому может служить «Царь-Девушка» Державина). Это, скорее, остроумные легкие стихотворные новеллы.

Известно, что «сказка» Дмитриева, впервые напечатанная автором в 1795 г. в сборнике «И мои безделки», была переделкой вольтеровской «La Begueule». Сам поэт предуведомлял: «Лучше признаться, пока не уличили» [Дмитриев 1967: 435]. Однако сюжет ее заметно русифицирован. Действие перенесено в Москву:

В Москве, которая и в древни времена
Прелестными была обильна и славна
Не знаю подлинно, при коем государе,
А только слышал я, что русские бояре
Тогда уж бросили запоры и замки,
Не запирали жен в высоки чердаки,
Но, следуя немецкой моде,
Уж позволяли им в приятной жить свободе...

[Дмитриев 1967: 176]

Героиня «Причудницы» – московская барыня Ветрана, живущая в неге и богатстве, в любви и веселье. В желании новых развлечений она просит свою крестную мать Всеведу (имена весьма распространенные в сказочной беллетристике и сатирических журналах XVIII в.), которая была волшебницей, перенести ее из наскучившего ей света в царство феи. Ветрана переносит ее в волшебный дворец. Она оказывается в царственных чертогах из порфиры, изумрудов, жемчугов и лалл, с коими не может сравниться ни Царское Село, ни Петергоф и ни Армидин сад:

Здесь рядом перед ней лимонны дерева,
Там миртовый кусток, там нежна мурава
От солнечных лучей, как бархат, отливает;
Там речка по песку златому протекает;
Там светлого пруда на дне
Мелькают рыбки золотые...

[Дмитриев 1967: 182]

Этот ориентальный стиль – характерная примета сказочных литературных сюжетов рубежа XVIII – XIX вв., будь то в европейской или русской предромантической литературе, сформировался не без влияния переводов «Тысячи и одной ночи» А.Галлана.

Впрочем, «жилище райское веселий и прохлад» недолго веселит героиню. Не радует ее ни ложе из роз, ни гармония музыки златострунных лир, ни пение нимф, которые ей прислуживают. Рай оказался так же скучен, как и светская жизнь. Отсутствие друга, с которым можно разделить радости жизни, вновь вызывает ее ропот. И на этот раз природная стихия (не без участия Всеведы) переносит ее в Муромские леса, бывшие пристанищем «ведьм, волков, разбойников и злых духов». Полумертвую от страха красавицу хватает разбойник, кидает поперек седла и мчит «чрез холмы, горы и овраги» и, достигнув берегов Клязьмы, бросает в реку. Кульминацией сюжета становится ... пробуждение героини. Она с радостью видит себя дома, среди своих родных, друзей и милого супруга. И рай, и Муромские леса, и пережитые ужасы оказываются трехдневным сном героини. Романтическая, балладная сюжетная ситуация разрешается традиционной для конца XVIII века дидактической моралью:

...мы, всегда чужой завидуя судьбе
И новых благ желая,
Из доброй воли в ад влечем себя из рая.
Где лучше, как в своей родимой жить семье?
Итак, вперед страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всеми ты почтенна и счастлива

[Дмитриев 1967: 185]

Заметим, что сюжетно-стилевая организация «сказочной безделки» Дмитриева явно ориентирована на «легкую поэзию» И.Ф.Богдановича. Описывая сады волшебницы Добрады, Дмитриев апеллирует к известной и популярной «Душеньке» Богдановича:

Каков же феин был дворец – признаться вам,
То вряд изобразит и Богданович сам...

[Дмитриев 1967: 180]

Впервые выпущенная отдельным изданием в 1805 году сказочка Богдановича «Добромысл» написана, вероятно, в конце 1780-х годов [Богданович 1957: 241]. Названа она автором «старинной повестью в стихах» и стилистически, конечно же, ориентирована на «Душеньку»: это вольный ямб, шутивно-иронический тон, авторские отступления, современные сатирические намеки. Богданович, не затрагивая мотивов национального богатырского эпоса, ограничивается условной сказочной тематикой и сюжетно ограничивает повествование рядом сказочных мотивов. Сюжет «Добромысла» весьма прост и однолинеен – рождение у царя и царицы двуносых и двулицых детей.

Действие сказки перенесено в Аравию библейских времен, которая представляла собой пустынную и бесплодную землю с редкими «признаками городов». В этом некоем аравийском царстве «У Света у царя, / У Радости царицы / Родились детища двуносы иль двулицы, / И, словом, были все уроды напоказ» [Богданович 1957: 197]. Счастливую жизнь царя с царицей омрачали владеющие «наукой тайных слов и силою духов» волшебники и феи. Иные из них созидали добро, другие – несли разрушительное начало, насылая «на царский дом особые печали».

Аллегория сказки весьма прозрачна. Придворные вельможи в угоду царствующим особам стали носить двулицы и двуносые маски, цена на которые вздорожала без меры. Впрочем, это не облегчило страдания родителей. Ослабить коварные силы удалось волшебнику Благотвору и его дочери Скромности, которые снабдили царя с царицей чудесною водой и волшебной печатью. Родившийся царевич Добромысл отличался красотой, умом и геройством. Ему предрекалось большое будущее учителями-халдеями – мудрыми магами, астрологами и предсказателями. Меж тем бессильные в колдовстве злые духи распускать стали слухи о том, что

Лицом дитя хорош, но будет глуповат
И, по приметам фей, наклонен к злему нраву;
Пророчили, что он не может быть женат,
Что будет на лице носить дурацку мету,
Что будет век искать себе невест по свету

[Богданович 1957: 200]

Пророчествам их не дано было сбыться. Попытки Добромысла найти невесту в Египте, в царствах Вавилонском, Халдейском и Финикийском

среди дочерей правителей действительно не принесли ему успеха. Однако причина была не в царевиче, а в недостойных претендентках на руку и сердце Добромысла. Счастье же царевич обрел с встретившейся ему на пути Добродетелью,

Которая ему, с бесплодного пути,
Назначила тогда за нею вслед идти,
Ошибки юности завесою покрыла
И тако повесть сократила

[Богданович 1957: 204]

Финал сказки возвращает читателя к ее началу, где автор обращается к условной Хлое, которой и была адресована его сказка. Эмоционально-культурный ореол, стоящий за именем Хлоя, широк. Хлоя (цветущая) это древнегреческая богиня плодородия, молодости и обновления. Но в большей мере этот образ соотносится с романом Лонга «Дафнис и Хлоя», повествующем об идиллической жизни пастуха и пастушки и ассоциирующимся с повестью о любви, характерном жанре сентиментальной литературы.

Однако «Добромysl» – явная шутка, лишенная сколько-нибудь серьезного содержания и национальной окраски. Восточная сказочная иллюзорность подана в шутивно-ироническом тоне с «непринужденно разговорной манерой изложения» в «традициях скоморошьего потешного искусства» [Соколов 1955: 348]. «Давно известные гремушки дураков», почерпнутые «в глубине веков» – забавные повествования, не лишённые современной автору морали, весьма соответствовали эстетике «легкой поэзии».

Читателя «безделки» Дмитриева и Богдановича привлекали занимательностью сюжета, остроумием, легкостью повествования, достигаемой не только разностопным разговорным ямбом, но и языковой стихией, с легкостью воспроизводящей и русский фольклорный, и ориентальный (восточный), и разговорно-просторечный стили. «Задуманность беседы» обусловлена авторским диалогом с читателем, комичностью ситуаций и авторской иронией:

В Москве, я говорю, Ветрана процветала.
Она пригожеством лица,
Здоровьем и умом блистала...
Имела лестну власть щелки давать супругу;
Имела, словом, все: большой тесовый дом,
С берлинами сарай, изрядную услугу,

Гуслиста, карлицу, шутов и дур содом,
И даже двух сорок, которые болтали
Так точно, как она...

[Дмитриев 1967: 176-177]

Критик «Новостей литературы», разбирая сказки Дмитриева, отмечал: «Сказка есть безделка, твердят критики. Согласен! Но легкость кисти, живость красок, совершенство отделки есть для искусства трудная задача, а для таланта великий опыт» [Новости литературы 1824, 3: 269]. В «русских» сказках лафонтеновской и вольтеровской школы привлекательными были не столь мораль и фабула, сколь живость повествования, занимательность, вкус, игра поэтического воображения, легкость стиля, то, что будет привлекать читателей начала нового XIX века как эстетически значимое.

Литература

1. *Богданович И.Ф.* Добромysl // Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – Л., 1957.
2. *Вяземский П.А.* Известие о жизни и стихотворениях И.И.Дмитриева // Дмитриев И.И. Сочинения. – М., 1986.
3. *Дмитриев И.И.* Причудница // Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. – Л., 1967.
4. *Казакова Л.А.* Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика: Монография. – Псков, 2009.
5. *Карамзин Н.М.* Илья Муромец // Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. – М.-Л., 1966.
6. Новости литературы. – 1824. – № 3.
7. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 тт. – М., 1981.
8. *Соколов А.Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М., 1955.